

659b.

6.

M. 2. 1. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

12767
17

ZVLÁŠTNÍ OTISK.

SLAVIA

Časopis pro slovanskou filologii

S podporou ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník IV. Sešit 4.

Tiskem a nákladem České grafické Unie a. s. v Praze

1926.

П. А. Лавровъ: Георгій Амартолъ въ изданиі В. М. Истрина (Окончаніе)	657—683
M. Murko: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven (Fortsetzung)	684—719
П. Рулин: Элементы злободневности в комедіях А. П. Сумарокова	720—738
Е. В. Аничковъ: Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова (Окончаніе)	739—758
А. Бемъ: „Лирическая дерзость“	759—768

Kritiky a referáty:

Dr. V. Vondrák: Církevněslovanská chrestomatie (S. Kul'bakin)	769—772
A. Mazon: Grammaire de la langue tchèque (V. Ertl)	772—805
F. Trávníček: Příspěvky k nauce o českém přízvuku (Roman Jakobson)	805—816
Б. Цонев: Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека (М. Сперанский)	816—818
Проф. Йор. Ивановъ: Богомилски книги и легенди (М. Попруженко)	818—823
Alojzy Wanczuga: Szkolnictwo w starej Rusi (M. Speranski)	823—829
Е. А. Ляцкий: Романъ и жизнь. Развитие творческой личности Гончарова. I. 1812—1857 (В. Мякотинъ)	829—830
Кишине приче (J. Polívka)	831—834
М. Серова: Новгородские сказки (J. Polívka)	834—836
Moszyński Kazimierz: Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian (L. Niederle)	836—839
Акад. Дмитро Багалій: Нарис української історіографії (В. Мякотин)	839—840
Проф. Д. Дорошенко: Огляд української історіографії (В. Мякотин)	840—842

Zprávy:

Balkan-Archiv (H.)	843
Lotyšský slovník (H.)	843
Vývoj skupin <i>tert, tort, tell, toll</i> ve slovanštině (H.)	843—844
Tvary osobních zájmen slovanských (H.)	844
Студії до української граматики (H.)	844
Проф. Д-р. Олександр Колесса: Південно-волинське Городище і Городиські рукописні пам'ятники XII—XVI в. IV. Городиське Євангеліє XII—XIII в. (Николай Дурново)	844—845
K transliteraci slovanských abeced (A. Frinta)	846
Новые тексты „Моления“ Даниила Заточника (М. Сперанский)	847—854
А. Е. Озаровская: Бабушкины старины (jра.)	854—855
Софія Федорченко: Народ на войне (jра.)	855—856
Ludvík Kuba, Čtení o Lužici (Jos. Páta)	856—857
Minerva (J. K.)	857

Nekrolog:

Леонид Лазаревич Васильев (Николай Дурново)	858—860
---	---------

Výtahy z časopisů:

Јужнословенски филолог. Књига IV.	861—864
Filologu biedrības raksti	864—866
Rejstříky.	867—883

Oznamujeme, že **dvojčíslo 2.—3. I. ročníku** bude znovu tištěno, přihlásí-li se dostatečný počet odběratelů, takže bude možno obdržeti všechny dosavadní ročníky kompletně. Přihlášky přijímá každý knihkupec nebo Nakladatelství České grafické Unie a. s. v Praze.

„SLAVIA“

vychází čtyřikrát za rok tak, že ročník má **55 tiskových archů**.

Předplatné na jeden ročník s poštovním Kč **100.—**.

Rukopisy obsahu linguistického se posílají na adresu: prof. **O. Hujer** (Praha - XII., Lužická 21) ostatní na adresu: prof. **M. Murko** (Praha-Bubeneč 531 aneb Praha-V., Břehová 5). Pp. spolupracovníci se prosí, aby příspěvky byly psány čitelně (možno-li, strojem) a jen po jedné straně papíru.

Předplatné, objednávky a reklamace přijímá **Česká grafická Unie a. s. v Praze-II.**, Svobodova 1961. Účet poštovního úřadu šekového 49.877.

Recenzní výtkisy a časopisy zasílané redakci výměnou adresovány buďtež: **Redakce časopisu „Slavia“, Praha-V., Břehová 5.**

„Лирическая дерзость“.

(Опыт комментарія къ одной эстетической формулѣ Л. Н. Толстого.)

I.

Л. Н. Толстой, котораго принято упрекать въ недостаточной чуткости въ поэзіи, какъ-то высказалъ интересную мысль. Въ письмѣ къ В. П. Боткину 21 іюля 1857 г. онъ высказываетъ свое мнѣніе о стихотвореніи Фета: „Еще майская ночь“ (нач. сл. „Какая ночь! на всемъ какая нѣга“).¹⁾ Онъ находитъ, что двустишіе фетовскаго стихотворенія:

„И въ воздухѣ за пѣсню соловьиной
Разносится тревога и любовь“ —

„прелестно“. Чрезвычайно интересно, что Толстой ставитъ въ особую заслугу Фету. Онъ пишетъ: „И откуда у этого добродушнаго офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великихъ поэтовъ“.²⁾ Великій поэтъ, по мнѣнію Толстого, „лирически дерзокъ“. Какъ понимать такое странное сочетаніе, и что оно можетъ означать въ примѣненіи къ поэзіи?

Обратимся къ двустишію Фета, которое вызвало неожиданное опредѣленіе Толстого:

„И въ воздухѣ за пѣсню соловьиной
Разносится тревога и любовь“.

Что въ этомъ двустишіи могло показаться Толстому „дерзкимъ“? Конечно, здѣсь Толстой имѣетъ въ виду прежде всего смѣлость, дерзаніе поэта на неожиданный, никому другому не свойственный изгибъ мысли. Это чувство неожиданности, необычности можетъ быть всегда вскрыто въ произведеніи крупномъ, выдающемся. Дѣйствительно, двустишіе Фета поражаетъ этой неожиданной смѣлостью, на первый взглядъ можетъ быть и непримѣтной.

Между словесными сочетаніями, повторяющимися въ разнообразной обстановкѣ, помимо этимологическихъ и синтаксическихъ категорій, устанавливаются связи, вовсе не нашедшія фор-

¹⁾ См. „Полн. собр. стих.“ Петр. 1912, т. I, стр. 293.

²⁾ „Переписка Л. Н. Толстого с В. П. Боткиным“ въ сборн. „Толстой. Памятники творчества и жизни.“ Редакц. В. И. Срезневскаго. IV. Москва. 1923, стр. 37. Подчеркнуто мною. А. Б.

мальнаго отраженія въ языкѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйственные въ языковомъ сознаніи.

Невидимыя нити протягиваются отъ одной смысловой единицы къ другой, и весь запасъ человѣческихъ словъ опутанъ такими трудно улавливаемыми связями. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. У Пушкина извѣстное стихотвореніе 1820 г. „Подражаніе Байрону“ начинается строкой:

„Погасло дневное свѣтило“.

Казалось страннымъ, почему Пушкинъ съ его чутьемъ къ языку употребилъ прилагательное съ необычнымъ удареніемъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса нетрудно установить, что въ живомъ говорѣ существовало два прилагательныхъ: „дневной“ и „днѣвный“, изъ которыхъ второе удержалось въ языкѣ пушкинскаго времени въ сочетаніи со словомъ „свѣтило“, къ которому оно тяготѣло въ силу смысловой связи, общей архаичности окраски и размѣрной спаянности („днѣвное свѣтило“). Мнѣ удалось найти до десятка примѣровъ у писателей XVIII в. и у современниковъ Пушкина съ сочетаніемъ „днѣвное свѣтило“.¹⁾ Значеніе рифмы поэтому далеко не исчерпывается звуковой и формирующей стороной ея: куда болѣе важно установленіе путемъ рифмовки особой связи между рифмующимися словами. Между двумя срифмованными словами устанавливаются связи, которыя влекутъ за собою путемъ весьма тонкихъ ассоціацій весь комплексъ слово-смысловъ. Поэтому сама по себѣ не представляетъ ничего страшнаго рифма: „кровь - любовь“, если поэту силой вдохновенія удалось преодолѣть косность смысловыхъ ассоціацій, протянутыхъ между этими двумя словами.

Вотъ въ этой способности по новому располагать словесные комплексы, сдвигать ихъ съ привычной установки лежитъ одна изъ тайнъ поэтической силы.

Когда Фетъ писалъ:

„И въ воздухъ за пѣсню соловьиной
Разносится тревога и любовь,“

онъ безсознательно именно произвелъ этотъ сдвигъ и придалъ самымъ обычнымъ словамъ неожиданное очарованіе. Въдѣ по существу смысловая связь между „пѣсню соловьиной“ и „любовью“ находится на грани поэтическаго шаблона. Нужна большая поэтическая дерзость, чтобы не впасть въ безвкусіе, поль-

¹⁾ См. мою статью: „Днѣвный“ и „дневной“ у Пушкина (Лингвистическая справка) въ сб. „Пушкинъ и его современники.“

зуясь такими сочетаниями. Однако Фетъ, какъ правильно подмѣтилъ Толстой, съ честью вышелъ изъ этого испытанія. Вышло не только не шаблонно, но „прелестно“. Въ чемъ-же дѣло? Гдѣ этотъ магическій ударъ смычка, который очаровываетъ насъ?

Присмотримся ближе къ фетовскому построению смысловыхъ единицъ. Я считаю въ двустипии опредѣляющими двѣ единицы: 1. „пѣснь соловьиная“, и 2. „любовь.“ Между ними поэтъ устанавливаетъ въ нашемъ сознании какую-то связь, считаясь съ тѣмъ, что въ читатель-слушатель имѣются уже на-лицо свои связи между этими слово-смыслами. Надо не только вызвать желаемое поэту впечатлѣніе, отзвукъ, но и разрушить уже сложившіяся ассоціаціи. Эта необычайно навязчивая связь между „пѣснью соловьиной“ и „любовью“ имѣетъ за собой многовѣковый грузъ традиціоннаго сочетанія, уже использовавшаго всѣ возможные пути ихъ соединенія. Нужна подлинная „поэтическая дерзость“ преодоленія этихъ уже проложенныхъ путей. Фетъ это дѣлаетъ очень тонко. Во первыхъ, онъ вводитъ посредствующее понятіе между двумя опредѣляющими, разрывая этимъ ихъ первоначальную связь. Роль замѣстителя „любви“ играетъ „тревога“. Между „пѣснью соловьиной“ и „тревогой“ совершенно произвольно вызывается надсмысловая близость, благодаря созвучію словъ „трели“ и „тревога“. Шаблонныя „трели“ соловьиныя неожиданно подмѣняются „тревогой“ и создаютъ этимъ пересмысливаніе всѣхъ связей. Законность трехчленной группы — „пѣснь соловьиная: тревога: любовь“ становится ясной поэтическому сознанию. Но эту новую связь необходимо уложить и въ формальныя отношенія языка, и въ ритмико-мелодическую схему. Особенно интереснымъ является исполненіе Фетомъ первой задачи. Въ первой строкѣ опредѣляющимъ является „пѣснь“, которая невольно вызываетъ ожиданіе звуковой ассоціаціи. По этому ждешь соотвѣтственнаго глагола, напр. „слышится“ („и въ воздухѣ за пѣснью соловьиной слышится“), но тогда предлогъ „за“ теряетъ свой временный смыслъ „вслѣдъ за“, а пріобрѣтаетъ оттѣнокъ пространственный „позади“. Другими словами, смыслъ былъ-бы слѣдующій: за пѣснью соловьиной слышится тревога и любовь. Снова шаблонная установка, которую истинный поэтъ не можетъ принять. Фетъ опять дѣлаетъ перестановку, перенося удареніе на слова „въ воздухѣ“, чѣмъ разрушаетъ звуковую ассоціацію и вызываетъ представленіе „легкости, текучести“ и т. п. Такимъ образомъ возможность появленія глагола „разносится“

создана включеніемъ въ ассоціаціи слова „воздухъ“, и этимъ создана большая конкретность, почти осязаемость отвлеченныхъ понятій „тревоги“ и „любви.“ Эта конкретность поддержана над-смысловой ассоціаціей между „трелями“ и „тревогой“, такъ какъ „тревога“ разносится, какъ, „трели“ соловьиныя.

Вотъ тотъ бессознательный путь, какимъ Фетъ шелъ къ преодолѣнію установившихся связей между словесными группами. Такимъ образомъ, однимъ изъ условій „поэтичности“ является неожиданность, переосмысливаніе, то что называется „смысловымъ сдвигомъ“. Но напрасно думаютъ современные поэты, что такое переосмысливаніе можно возвести въ „пріемъ“, т. е. искусственно пользоваться имъ, механически прибѣгая къ „остраненію“ въ самомъ процессѣ творчества. У Толстого очень тонко сказано не просто дерзость, а „лирическая“ дерзость. Дерзость въ поэзіи сплошь и рядомъ является именно пріемомъ, ошарашиваніемъ, стремленіемъ поразить, быть оригинальнымъ. Но такая „дерзость“ ничего общаго не имѣетъ съ „лирической дерзостью“, о которой говоритъ Толстой. „Лирический“ въ пониманіи Толстого можетъ быть истолковано только какъ внутренне созвучный съ поэтомъ, ему интимно присущій. То есть эта „дерзость“ должна быть лирично окрашена. Безъ этой внутренней обусловленности, связи съ личностью поэта никакая дерзость не создаетъ подлинно поэтического впечатлѣнія. Свести искусство поэта къ пріему значитъ не замѣтить самаго существеннаго — обусловленности поэзіи личностью, внѣ связи съ которой всякая поэзія мертва, ибо бездушна.

Эту внутреннюю связь я попробую показать на пушкинскомъ „Демонѣ“.

II.

Напомню это стихотвореніе:

Демонъ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія —
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И ночью пѣнье соловья,
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь,
 Часы надеждъ и вдохновеній
 Тоской внезапной осыня,
 Тогда какой-то злобный геній
 Сталъ тайно навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенъ презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.¹⁾

Все стихотвореніе дѣлится на двѣ равныя части по 12 строкъ, хотя въ немъ формально и нѣтъ строфическихъ члененій. Такимъ образомъ, въ основѣ лежитъ парное члененіе, скорѣе ведущее къ ощущенію симметріи, гармоніи, чѣмъ къ диссимметріи, хаосу.

Первая половина (1—12 стр.) построена по типу временнаго періода: когда-тогда, но съ явнымъ перевѣсомъ придаточнаго предложенія (8 : 4). Этимъ какъ-бы подчеркивается валентность смысловыхъ единицъ, заключенныхъ въ придаточной части.

Первыя восемь строкъ распадаются въ свою очередь на 2 + 6 стр., изъ которыхъ вторыя шесть являются только раскрытіемъ, конкретизаціей второй строки, объясненіемъ того, что поэтъ вкладываетъ во „всѣ впечатлѣныя бытія.“ Такимъ образомъ, первыя 12 строкъ по содержанію легко могли-бы быть сведены Въ простому четверостишію:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣныя бытія . . .
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Въ сущности всю пушкинскую пьесу можно свести къ лирическому раскрытію этого мысленнаго четверостишія. Къ „лирическому раскрытію“, т. е. поэтическому осмысливанію для себя, а черезъ себя и для другихъ, необычайнаго появленія въ моментъ наибольшей казалось-бы душевной полноты какой-то трещины, соприкосновенія съ силами хаоса и опустошенности. Вотъ это душевное состояніе надо было поэтически осмыслить, и какъ это осмысливается Пушкинымъ становится для насъ чрезвычайно интереснымъ.

Стихотвореніе начинается нѣсколько торжественнымъ, приподнятымъ „въ тѣ дни . . .“ Помимо того, что этимъ данъ зачинъ,

¹⁾ Текстъ по изданію Брокгауза п. р. С. А. Венгерова, т. II, стр. 205.

который приподнимаетъ стилистически все стихотвореніе, такое вступленіе имѣетъ и свое значеніе въ преодолѣніи шаблоннаго построенія періода-„когда, тогда“. Путемъ вводныхъ словъ „въ тѣ дни...“ акцентуируется уже въ самомъ началѣ полнота, заполненность событіями, вмѣсто простого указанія временной послѣдовательности. Эта заполненность, насыщенность далѣе раскрывается конкретнымъ указаніемъ того, что поэтъ понимаетъ подъ „впечатлѣніями бытія“. Это „взоры дѣвъ“, „шумъ дубровы“, „пѣнье соловья“. Новое „когда“ поднимаетъ насъ еще на ступень выше и соотвѣтствуетъ перенесенію вниманія отъ „впечатлѣній бытія“ къ „возвышеннымъ чувствамъ“ и „вдохновеннымъ искусствамъ“.

Впечатлѣніе насыщенности, полноты бытія еще усиливается тѣмъ, что даже въ главномъ предложеніи поэту удастся отвоевать одинъ стихъ для подчеркиванія положительнаго содержанія своей душевной жизни. „Часы надеждъ и наслажденій“ по смыслу относятся къ положительному утвержденію жизненнаго смысла.

Т. о. изъ первыхъ 12 стиховъ мотивъ „демона“ захватываетъ только три стиха, положительное-же содержаніе душевной жизни развивается въ 9 стихахъ. Это само по себѣ уже даетъ ощущеніе утвержденія Пушкинымъ того содержанія „бытія“, которое внезапно было „осѣнено тоской“. Если мы обратимъ вниманіе еще на подборъ словъ послѣднихъ трехъ стиховъ четверостишія:

„Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня“,

то еще болѣе укрѣпится это чувство необычайной цѣнности внутренняго міра поэта. Интересно, что озаглавивъ стихотвереніе словомъ „демонъ“ Пушкинъ въ самомъ стихотвореніи не пользуется этимъ словомъ, а называетъ демона „злобнымъ геніемъ“, какъ-бы сразу лишая его того ореола, который невольно связывается съ демономъ, падшимъ ангеломъ. Сразу дано и впечатлѣніе „сторонности“, чуждости внутреннему міру поэта демоническихъ настроеній. Онъ навѣщаетъ „тайно“, противъ воли. Глаголь „осѣнять“ въ связи съ „тоской“ вызываетъ образъ „тучи“, бросающей тѣнь, чего-то внезапно, извнѣ пришедшаго, враждебнаго и чуждаго. Уже этимъ 12-тистишіемъ создано „лирическое“ настроеніе контраста „свѣтлаго“ и „темнаго“, „полнаго“ и „ущербнаго“. Не можетъ быть сомнѣнія, что поэту, написавшему такую

пьесу органически чуждо хаотическое, разлагающее начало, что соприкосновение съ нимъ онъ воспринимаетъ, какъ встрѣчу съ враждебнымъ ему духомъ зла и хаоса.

Вторая половина стихотворенія только углубляетъ это впечатлѣніе. Уже первый стихъ, точно боясь ввести въ заблужденіе, подводитъ итогъ столкновенію поэта съ враждебнымъ гениемъ.

„Печальны были наши встрѣчи“ — вотъ этотъ итогъ, разъясненію котораго посвящены послѣдніе 11 стиховъ. Сначала слѣдуетъ внѣшнее впечатлѣніе отъ „злого гения“:

„Его улыбка, чуждый взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу холодный ядъ“.

Враждебность этого образа ясно чувствуется. „Его улыбка“ создаетъ образъ челоуѣка съ постоянной, т. е. искусственной улыбкой, лицомъ-маской. „Чуждый“ взглядъ — значитъ „странный“ взглядъ; рѣчь язвительная — опять преднамѣренная, ставящая цѣлью уязвить. Глаголъ „вливать“ подчеркиваетъ дѣйствіе сильное, непріязненное, вызывающее душевное сопротивление.

Строки:

„Неистощимой клеветой
Онъ провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —

выражаютъ нарастающее возмущеніе враждебнымъ духомъ, который отрицаетъ самое дорогое душевному міру поэта. Это возмущеніе достигаетъ высшаго напряженія въ заключительномъ аккордѣ:

„И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ“.

Все то, что въ первой части Пушкинъ раскрываетъ, какъ содержаніе своего внутренняго міра: свобода, слава и любовь, все это „злбный гений“ отрицаетъ.

Поэтъ очень тонко проводитъ свое пріятіе міра, свое утвержденіе жизни путемъ столкновенія съ враждебнымъ отрицающимъ духомъ. Изъ этого столкновенія онъ выходитъ побѣдителемъ, и еще больше укрѣпляетъ въ насъ впечатлѣніе душевной полноты, гармоничности и цѣльности. Особенно ярко чувствуется эта внутренняя связь пушкинскаго „Демона“ съ его поэтической личностью при сравненіи его съ пьесой Лермонтова „Мой демонъ“ (1829 г.).

„Демонъ“ Лермонтова-олицетвореніе внутренняго міра поэта, которымъ владѣютъ темныя демоническія силы. Это подчеркивается и самимъ заглавіемъ стихотворенія, въ отличіе отъ пушкинскаго названнаго „мой“ демонъ.¹⁾ „Демонъ“ — же Пушкина — искушеніе, пришедшее извнѣ.

Разрушающая сила перваго направлена во внѣ, на другихъ, онъ демонъ-искуситель. Разлагающее вліяніе втораго направлено на внутренній міръ поэта, онъ демонъ искушающій. Пушкинъ отвергаетъ, отталкиваетъ отъ себя встрѣтившагося на его пути демона, Лермонтовъ, отождествляетъ себя съ нимъ, подпадаетъ его власти.

Уже современники Пушкина и Лермонтова отмѣтили эту разницу въ міроощущеніи обоихъ писателей, такъ ярко отразившихся въ этихъ сходныхъ по мотивамъ пьесахъ. Такъ В. П. Боткинъ писалъ Бѣлинскому: „въ молодости демонъ на мгновеніе являлся Пушкину, но кроткая, нѣжная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою говорилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Лермонтовъ взглянулъ ему прямо въ глаза, сдружился съ нимъ и сдѣлалъ его царемъ своей фантазіи“. „Совершенно согласенъ съ тобою“, отвѣчалъ Бѣлинскій: „особенно поражаетъ меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: печальны были наши встрѣчи, именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ“.²⁾

Если выйти за предѣлы окончательнаго текста и обратиться къ рукописямъ Пушкина, то правильность этихъ выводовъ станетъ еще очевиднѣй. Въ несомнѣнной связи съ „Демономъ“ стоитъ напр. отрывокъ въ Румянц. тетр. № 2369, л. 29 об. съ помѣтой „I Novembre“:

„Мнѣ было грустно, тяжело, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ“...³⁾

¹⁾ Надо оговорить, что и у Пушкина въ „Мнемозинѣ“ В. К. Кюхельбекера (Москва 1824.), гдѣ стихотвореніе появилось впервые, оно было озаглавлено „Мой Демонъ“. Однако, самъ Пушкинъ затѣмъ измѣнилъ заглавіе.

²⁾ См. у Пыпина: „Бѣлинскій“, 2-е изд., стр. 403, 407. Цитирую по изд. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 620.

³⁾ См. соч. Пушкина въ изд. Брокгауза подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 618.

Въ другомъ наброскѣ, приведенномъ въ свое время В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“ 1884, май, 337) есть такія строки:

„Непостижимое волненье
 Меня къ лукавому влекло ...
 И я мое существованье
 Съ его навѣкъ соединилъ ...
 ... Я сталъ взирать его глазами,
 Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
 Съ его неясными словами
 Моя душа звучала въ ладъ. . .“¹⁾

Здѣсь въ этихъ отрывкахъ значительно рѣзче высказано пріятіе „демона“, и Пушкинъ отбросилъ эти строки, какъ неотвѣчающія его внутреннему настроенію.

Такъ анализъ пушкинскаго „Демона“ является лишнимъ доказательствомъ ошибочности взгляда М. О. Гершензона на творчество Пушкина, высказаннаго имъ въ его извѣстной книгѣ „Мудрость Пушкина“ (М. 1919). Попытаться доказать, какъ это дѣлаетъ М. О. Гершензонъ, что Пушкинъ въ глубинахъ творческаго духа былъ во власти разлагающей стихіи хаоса, значитъ насиловать факты. „Демонъ“ Пушкина явно не можетъ быть втиснутъ въ эту схему.

* * *

Мы видимъ, какъ по одному стихотворенію иногда возможно установить тѣснѣйшую связь каждой строки съ общимъ замысломъ, съ самой личностью поэта, полную обусловленность цѣлаго и отдѣльных частей. Уже поэтому одинъ формальный подходъ къ творчеству, полный отрывъ произведенія отъ личности поэта — незаконенъ. Однимъ формальнымъ анализомъ никогда нельзя раскрыть „лиричности“, т. е. индивидуальной обусловленности произведенія.

Итакъ, свойство великаго поэта, по мнѣнію Толстого, „лирическая дерзость“. Подъ дерзостью въ этомъ опредѣленіи, по нашему, слѣдуетъ понимать преодолѣніе поэтомъ косности словеснаго матеріала, смѣщеніе привычныхъ связей и внесеніе желательнаго для поэта соотношенія словесныхъ группъ. Здѣсь „дерзаніе“ тѣмъ больше, чѣмъ проще, незамѣтнѣе дается это смѣщеніе. Всякая нарочитость, надуманность, искусственность приѣма идетъ всегда за счетъ цѣльности, законченности и гармоничности цѣлаго.

¹⁾ Рум. тетр. № 2366; привед. тамъ-же.

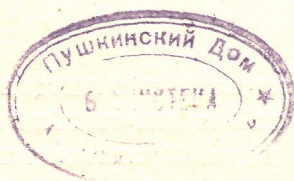
Но одной дерзости въ этомъ смыслѣ мало, она должна быть внутренне обусловлена, т. е. связана съ личностью поэта, другими словами „лирична“.

Вотъ тотъ смыслъ, который можно вложить въ толстовское опредѣленіе „лирическая дерзость“.

16. VI. 1924.

А. Бемъ.

1852.

SPISY REDAKCI ZASLANÉ:

- H. F. Schmid, Das Recht der Gründung und Ausstattung von Kirchen im kolonialen Teile der Magdeburger Kirchenprovinz während des Mittelalters. Weimar 1925.
- Д. К. Зеленинъ, Великорусскія сказки Пермской губерніи. Записки Имп. русскаго географ. общества ХІІ. Петроградъ 1914.
- Д. К. Зеленинъ, Древне-русскій языческій культъ „заложенныхъ“ покойниковъ. Петроградъ 1917.
- М. Азадовскій, Сказки Верхнеленского края. Вып. I. Иркутск 1925.
- Moscovia von Herrn Sigmund Freiherrn zu Herberstein, Neyperg und Guettenhag. Herausg. von H. Kauders, Erlangen 1926.
- Silva rerum 6. Kraków 1925.
- Léon Tolstoï, Oeuvres posthumes. Traduction de Georges d'Ostoya et Gustave Masson. Paris 1925.
- Pamiętnik 180 ogólnopolskiego zjazdu polonistów w Warszawie w dniach 24, 25 i 26 kwietnia 1924 roku. Opracował Wł. Kopczewski. Lwów- Warszawa 1925.
- Стара Україна XI-XII. Львів 1925.
- K. Suchý, Zákoný spisovnej řeči slovenskej. Sošit I—XIII. Trnava, 1924—1925.
- Славянско дружество въ България 1899—1924. София 1925.
- Atti della Reale Accademia nazionale dei Lincei. Anno 322. Vol. III. Fasc. 11. Roma 1925.
- M. Gavazzi, Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica. Zagreb 1926.
- Юбилеенъ сборникъ на славянското дружество въ България 1899—1924. София 1925.
- Е. В. Аничковъ, Русское искусство.
- Библиографически Бюлетинъ за депозиранитѣ книги въ Софийската народна библиотека презъ 1919—1923 год. Год. XXIII—XXVII. София 1925.
- О. М. Маслова, Рукописна книга. Київ 1925.
- Теоктит Сушицький, Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. Ч. I. У Києві 1924.
- С. Маслов, Друкарство на Україні в XVI—XVIII ст. Київ 1924.
- С. Маслов, Каталог юбилейної виставки українського друкарства. Київ 1925.
- Акад. Павло Тутковський, Матеріали для бібліографії мапознавства України. Част. I. У Києві 1924 (Укр. акад. наук).
- Акад. Д. Багалій, Нарис української історіографії. Джерелознавство. Вып. 2. (Укр. акад. наук). У Києві 1925.
- М. Марковский, Як утворивсь роман „Хіба ревуть воли, як ясла повні?“ П. Мирного та Ів. Білика. У Києві (Укр. акад. наук.) 1925.
- Василь Данилевич, Археологічна минувшина Київщини. У Києві (Укр. акад. наук) 1925.
- Бюлетинъ Кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка. Ч. I. У Києві (Укр. акад. наук) 1925.
- Праці Комісії для виучування звичаєвого права України. У Києві (Укр. акад. наук) 1925.
- Записки Етнографічного товариства. Книжка I. Київ 1925.
- Записки іст.-філол. відділу. Кн. IV-VI. У Києві 1924—1925.
- Stanisław Słowski, Wybór tekstów starosłowiańskich. Lwów 1926.
- Musée de l'Ermitage. Leningrad 1925.
- Сборникъ за народни умотворения и народописъ. Книга XXXVI. София 1926.
- Отчет I-го московскаго госуд. университета за 1924 г. Москва 1925.
- I. Зілінський, Українські діалекти на карті Московської Комісії. Отиск z Roczniku slaw. IX, 2. Kraków 1925.
- I. Зілінський, До питання про діалектологічну класифікацію укр. говорів. (Юбилейний Збірник Наукового Товариства ім. Шевченка). У Львові 1926.

(Do 24. II. 1926.)

Vyměnou došlo:

- Archives suisses des Traditions populaires XXVI, 4. — Bogoslovni Vestnik VI, 3. — Časopis katolíckého duchovenstva 67, 1926, 2. — Časopis pro moderní filologii a literatury 12, 2. — Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. Letnik V. (1926), 1—4. — Český časopis historický XXVII, 1. — Dom in svet 39, 2, 3. — Euphorion XXVII, 2. — L'Europa Orientale VI, 2, 3, 4. — Fontes. Wyd. Towarzystwo naukowe w Toruniu. XXI. — Grai și suflet II, 2. — Język Polski XI, 2, 3. — Kwartalnik Historyczny XXIX, 3—4. — Listy filologicke 53, 1. — Ljubljanski Zvon 46, 3, 4, 5. — Národopisný věstník československý XVIII, 1—4, XIX, 1. — Nastavni Vjesnik XXXIV, 4—6. — Naše věda VII, 3—5. — Neuphilologische Mitteilungen XXVII, 1—2, 3—4. — Nové Čechy IX, 6, 7, 8. — Öbzer praehistorický III, 1, 2. — Osteuropa I, 4—5, 6. — Праці Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ў Менску 1923 г., № 4—5, 1925 г., № 6—7, 8—9—10. — Průdy X, 2, 3, 4. — Przegląd Warszawski, rok 5, 51. — Przewodnik Bibliograficzny, serja II, tom VII, 2, 3, 4. — Roczniki Towarzystwa naukowego w Toruniu. R. XXXII. Toruń 1925. — Русская школа за рубежом 1926, 18. — Sbornik Matice Slovenskej III, 3—4. — The Slavonic Review IV, 12. — Slovenský prehľad XVIII, 3—4, 5. — Slovenské Pohľady 42, 3, 4. — Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, r. V, 1925, 1, 2. — Училищен Преглед XXV, 1925, 1—2. — Věstník československých profesorů, roč. 33, 12—17. — Wiadomości Archeologiczne IX, 1—2, 3—4. — Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. 136—137 (1925). — Zapiski Towarzystwa naukowego w Toruniu VI, 1923—1925.

TABLE DES MATIÈRES.

Articles:

	Page
P. A. Lavrov: Georges Amartolos dans l'édition de V. M. Istrin (suite et fin)	657—683
M. Murko: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven (Fortsetzung)	684—719
P. Rulin: L'élément d'actualité dans les comédies de A. P. Sumarokov	720—738
E. V. Aničkov: Remarques sur le manuscrits et l'œuvre de Lermontov (suite et fin)	739—758
A. Bem: «Audace lyrique»	759—768

Critiques et comptes-rendus:

Dr. V. Vondrák: Chrestomathie du vieux-slave (S. Kuľbakin)	769—772
A. Mazon: Grammaire de la langue tchèque (V. Ertl)	772—805
F. Trávníček: Contributions à l'étude de l'accent tchèque (Roman Jakobson)	805—816
B. Coney: Description des manuscrits slaves de la Bibliothèque Nationale de Sofia (M. Speranskij)	816—818
Prof. Jor. Ivanov: Les livres et les légendes des Bogomiles (M. Popruženko)	818—823
Aloyse Wanczura: Les écoles dans l'ancienne Russie (M. Speranskij)	823—829
E. A. Ljackij: Le roman et la vie. Evolution de la personnalité artistique de Gončarov (V. Mjakotin)	820—830
Les contes de la «Kiča» (J. Polívka)	831—834
M. Serova: Contes novgorodiens (J. Polívka)	834—836
Moszyński Casimir: Recherches sur l'origine et la civilisation primitive des Slaves (L. Niederle)	836—839
Acad. Dmitro Bagalij: Esquisse d'historiographie ukrainienne (V. Mjakotin)	839—840
Prof. D. Dorošenko: Aperçu d'historiographie ukrainienne (V. Mjakotin)	840—842

Notes et informations:

Balkan-Archiv (H.)	843
Dictionnaire letton (H.)	843
L'évolution des groupes <i>tert, tort, tell, toll</i> en slave (H.)	843—844
Les formes des pronoms personnels slaves (H.)	844
Etudes de grammaire ukrainienne (H.)	844
Prof. Dr. Alexandre Kolessa: Le Gorodišče de la Volhynie méridionale et les manuscrits des XII—XVI ss.: IV. L'Evangile de Gorodišče du XII—XIII s. (Nicolas Durnovo)	844—845
La «translittération» des alphabets slaves (A. Frinta)	846
Nouveaux textes de la «Prière de Daniil Zatočnik» (M. Speranskij)	846—854
A. E. Ozarovskaja: Bylines et autre «antiquités» de la Grand'mère (jpa)	854—855
Sophie Fedorčenko: Le peuple à la guerre (jpa)	855—856
L. Kuba: Lectures sur la Lusace (Jos. Páta)	856—857
Minerva (J. K.)	857

Nécrologie:

Léonide Lazarevič Vasiljev (Nicolas Durnovo)	858—860
--	---------

Revue des périodiques:

Južnoslovenski Filolog. Livre IV.	861—864
Filologu biedribas raksti T. 5.	864—866
Index	867—883

Le numéro double 2.—3. de la I^e Année sera réimprimé, si le nombre des souscripteurs est suffisant; de sorte qu'on pourra se procurer tous les volumes annuels, parus jusqu'ici, complets. Les souscriptions sont reçues par tous les libraires et par le service d'édition de la Česká Grafická Unie s. a. à Prague.

„SLAVIA“

paraît régulièrement quatre fois par an, l'année comprend
55 feuilles in-8°.

Le prix de l'abonnement pour une année est: Kč 100.—, port compris.

Les manuscrits ayant trait à la linguistique doivent être adressés au prof. O. Hujer (Prague-XII, Lužická 21); les autres, au prof. M. Murko (Prague-Bubeneč 531 ou Prague-V, Břehová 5). Les collaborateurs sont priés d'écrire lisiblement (si possible, à la machine) et sur une seule page.

Les abonnements, commandes et réclamations sont reçus à la Česká grafická Unie, s. a., Prague II, Svobodova 1961. Chèque postal: Compte 49.877.

Les ouvrages et périodiques adressés pour compte rendu ou échange doivent être envoyés à la Rédaction de la revue „Slavia“, Prague-V, Břehová 5.